

С О О Б Щ Е Н И Я

А. М. АСТАХОВА

БЫЛИНЫ В НАРОДНОЙ КНИГЕ И ДРУГИХ ОБЩЕДОСТУПНЫХ ИЗДАНИЯХ конца XIX — начала XX века

(Роль книги в позднем былинном сказительстве)

В литературе о былинах уже отмечена значительная роль книги в устной эпической традиции XIX—XX вв., состоящая в усвоении исполнителями опубликованных былинных текстов¹. Выяснено также значение этого процесса: он приводил к обмену областными эдическими традициями, к обогащению местных былинных репертуаров новыми сюжетами, версиями, вариантами, мотивами. Наметились и две главные стороны процесса: 1) усвоение подлинных народных текстов, вызывавшее столкновение между новым и местным материалом, в результате чего складывались особые варианты; 2) усвоение текстов, литературно обработанных, при котором обнаруживалась тенденция к снятию чужеродных элементов и происходило как бы «обратное возвращение к народности». В качестве конкретного материала были привлечены случаи усвоения в Беломорье текстов хрестоматии А. В. Оксенова «Народная поэзия» и в Прионежье — текстов известного свода былин В. П. Авенариуса².

Однако этот вопрос до конца не освещен. Чтобы правильно понять данное явление, необходимо исследовать, какие книги и какого качества были главными пропагандистами былинного эпоса среди народа. Здесь особое внимание надо обратить на специальные издания былин для народного чтения. Настоящая статья и посвящается изучению этой темы.

Во вторую половину XIX в. былины из сборников Кириши Данилова, Рыбникова, Киреевского и Гильфердинга не только попадают в школьные хрестоматии, но и издаются отдельными дешевыми книжечками, включающими то некоторое количество различных избранных былин, то несколько былин об одном богатыре, то всего одну-две былины.

Насколько удалось установить по свидетельствам собирателей и издательским каталогам, наиболее распространенными народными книгами с былинными текстами были: 1) издававшиеся в 1890-е и в последующие годы в Москве И. Д. Сытиным «Русские народные былины» (цена 60 коп.) и 2) изданная книгопродавцем Т. А. Губановым в Москве и Киеве в те же годы книжка «Илья Муромец, набольший богатырь киевский во времена св. князя Владимира» (цена 15 коп.).

Первый из названных сборников имеет на титульном листе указание: «По сборникам Кириши Данилова, Киреевского, Рыбникова и Гильфердинга, составлено В. и Л. Р — н». На обложке — одноцветная картинка: гусли, играющий на гуслях. Сборник имеет 302 страницы. Состоит он из шести разделов. Первый раздел включает следующие былины³: «Святогор-богатырь» (Святогор и сумочка переметная), «Святогор и Илья» (встреча Ильи со Святогором и смерть Святогора в гробу), «Вольга Всеславьевич» (охота Вольги, поход в Индийское царство), «Вольга Всеславьевич и Микула Селянинович».

Второй раздел открывается шмуцтитлом «Илья Муромец, крестьянский сын». В него входят былины: «Илья получает силу богатырскую», «Илья Муромец под Черниговом и Соловей-разбойник», «Застава богатырская» (изображение заставы и выезд Добрыни Никитича против чужеземного богатыря-нахвальщика), «Борьба Ильи Муромца с Жидовином» (продолжение и завершение предыдущего сюжета).

¹ См. об этом в работе автора «Русский былинный эпос на Севере», Петрозаводск, 1948 (глава VI — «Былинное сказительство и книга»).

² Там же.

³ Заглавия былин даются по книжке. В скобках при заглавиях автором статьи дается, когда это нужно, раскрытие сюжета.

«Илья Муромец и поганое Идолище», «Три поездки и смерть Ильи», «Илья Муромец и Калин-царь».

Третий раздел — «Добрыня Никитич» — включает четыре былины: «Рождение Добрыни и первый бой его со змеем», «Второй бой Добрыни со змеем. — Освобождение княжны Забавы», «Бой Добрыни с удалой поляницей и женитьба его», «Отъезд Добрыни. — Жена выходит за Алешу».

В четвертый раздел входят былины «Чурило Пленкович» (в сборниках Рыбникова и Гильфердинга ее наименование — «Молодость Чурилы»), «Дюк Степанович» и «Соловей Будимирович».

Пятый раздел состоит из былин: «Садко-купец, богатый гость» (о том, как Садко разбогател, и состязание Садка с новгородскими купцами), «Садко у царя морского» и «Отчего перевелись витязи на святой Руси». Последний раздел состоит из былин «Сухман-богатырь» и «Данила Денисьевич и Василиса Никулишна» (Данила Ловчанин).

Часть текстов, вошедших в книжку, перепечатана полностью из указанных на титульном листе научных сборников. Таковы, например: былина о Святогоре-богатыре, точно воспроизводящая текст Дмитриевой из деревни Прятки Петрозаводского уезда (Рыбников, I, № 86)⁴; «Застава богатырская» и «Борьба Ильи Муромца с Жидовином», в точности передающие известный шенкурский текст из сборника Киреевского (I, стр. 46—52). Былина «Отчего перевелись витязи...» так же точно передает запись Л. Мея по Киреевскому (IV, стр. 108—115), а «Данила Денисьевич...» — нижегородский текст из села Павлово (запись Е. Фаворского), тоже опубликованный в сборнике Киреевского (III, стр. 32—38).

Другая часть былин — сводные тексты из отдельных фрагментов разных вариантов былин на определенный сюжет. Иногда в основу кладется ведущий текст, и к нему присоединяются лишь отрывки или отдельные стихи из других текстов. Так, например, построена вторая былина о Святогоре («Святогор и Илья»). В основном это текст сказителя П. Л. Калинина из д. Горка б. Повенецкого уезда (Гильфердинг, I, № 1). Только в двух местах включено по два стиха, взятых из варианта кижского сказителя Леонтия Богданова (Рыбников, I, № 51). В одном случае эти вставные стихи рисуют впечатляющий зрительный образ Святогора, отсутствующий у Калинина:

Едет богатырь выше лесу стоячего,
Головой упирается под облако ходячее.

Во втором случае они дополняют рассказ о взаимоотношениях Святогора и Ильи. Так, вслед за стихами основного текста —

А побратались они крестами с Ильей Муромцем,
Назвались они крестовыми братьями —

дана вставка из текста Богданова:

Выучил Святогор Илью
Всем похваткам, поездкам богатырским.

Основой текста «Вольга Всеславьевич и Микула Селянинович» служит былина Трофима Рябинина «Вольга и Микула» в ранней записи (Рыбников, I, № 3) с заменой лишь отчества Вольги — Святославович — на Всеславьевич. Но рябининское изображение ратая дополнено колоритными деталями, заимствованными из близкого варианта И. А. Касьянова (Гильфердинг, II, № 156):

Омешики на сошке булатные,
Присошечек у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки красна золота.
А у оратая кудри качаются,
Что не скатен ли жемчуг рассыпаются.
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя.

Текст былины о Сухмане, воспроизводящий вариант Шальского лодочника (Рыбников, II, № 148), также дополнен четырьмя небольшими вставками из варианта Потапа Антонова (Гильфердинг, I, № 63). Четвертая вставка усиливает социальный акцент, так как вводит князей и бояр, обвиняющих Сухмана в надругательстве над князем Владимиром.

Имеются, однако, и случаи, когда сводный текст создавался на основе нескольких вариантов из разных сборников. В качестве примера возьмем былинку «Илья Муромец и Калин-царь».

⁴ Список сокращений смотри в конце статьи.

В тексте сытинской книжки использовано десять былин, из них семь — о Калине-царе. Это, во-первых, олонецкие записи — от Ивана Фёпона, пудожского сказителя (Гильфердинг, I, № 57), от безыменного слепого каргопольского «калики» (Рыбников, II, № 205 — текст, чрезвычайно близкий к фёпоновскому), от прославленного кижского исполнителя былин Трофима Рябинина (Гильфердинг, II, № 75), от кижского же сказителя Козьмы Романова (Гильфердинг, II, № 92) и от пудожанина Андрея Сорокина (Гильфердинг, I, № 69); затем две записи сибирские — из сборников Кириши Данилова (№ 25) и Киреевского (I, стр. 66, из собрания С. И. Гуляева — запись Д. Соколова на Сузунском заводе от Половникова). Кроме того, привлечены два варианта былинны о Василии Игнатьеве и Батыге (Рыбников, II, № 194 — запись от безыменного калики с р. Онеги и № 209 — безыменная запись из Пудожья). Несколько стихов заимствовано из былины об «Илье Муромце и Идолище» (Гильфердинг, I, № 48).

В наибольшей степени использованы фёпоновский и рябининский тексты и сибирские варианты. Все эти тексты принадлежат бесспорно к лучшим, наиболее ярким и выразительным обработкам сюжета о Калине-царе. Начинается повествование со вступительной части фёпоновского текста: князь Владимир устраивает пир «на многие на князи да на бояра» и не зовет на пир сильных могучих богатырей; Илья Муромец приходит «да не званный он». Далее в былинке Фёпона следует приказ князя Владимира засадить Илью в погреб и заморить голодной смертью. Но составители сводного текста развертывают этот эпизод, включая рассказ о шубе, подаренной Ильёй князем, из-за которой и происходит «ссора». Вот содержание этого рассказа: княгиня укоряет князя, что он, одарив всех присутствующих на пиру князей-бояр, «не жаловал» одного только Илью Муромца; тогда князь дарит Ильёе соболью шубу, доставшуюся от татарина; Илья, видимо оскорбленный таким подарком, бьет шубой о пол, приговаривая, что так он будет бить «татарина бусурманова»; тогда-то, по наущению князей-бояр, которые обращают внимание князя Владимира, что всем княжеские дары «по любви пришли», кроме Илья Муромца, князь приказывает схватить богатыря —

Повести было его на горы высокие,
Бросить его в погреба глубокие,
Задрнуть решетками железными,
Завалить чашей, хрящем-камнем,
А поморить его смертью голодною.

(Киреевский, I, стр. 67)

Тут составители снова возвращаются к тексту Фёпона, рисуя отказ богатырей служить князю Владимиру и их отъезд в поле. Перенеся затем несколько стихов из варианта Половникова о княгине, тайно поддерживающей жизнь Илья, составители переходят к описанию татарского нашествия. Для этого они обращаются прежде всего к известному запеву о турах в былинах о Василии Игнатьеве, предваряющему рассказ о самом событии и создающему настроение ожидания страшной невзгоды (основной текст взят из Рыбникова, II, № 209, отдельные стихи — из № 194 того же сборника). Описание самого нашествия ясно показывает стремление авторов использовать все наиболее яркие краски, все наиболее выразительные детали, разбросанные по разным вариантам. Тут и известное сорокинское вступление:

Не волна ли как на море расходилася,
А не синее море всколебалоса,
А й взволновался да ведь Калин-царь... (и т. д.)

(Гильфердинг, I, стр. 625)

Тут и потрясающее по художественной силе изображение вражеского войска из варианта сборника Кириши Данилова («Зачем мать-сыра-земля не погнется?» и т. д.), которое усилено вставкой трех стихов из рябининского варианта:

Как от покрику от человеческого,
Как от ржанья от лошадиного
Унывает сердце человеческо.

(Гильфердинг, II, стр. 23)

Из тех же вариантов взяты фрагменты и для гротескного изображения татарского посла, его приезда в Киев с ультиматумом от Калина-царя и для описания растерянности князя.

Дальнейший рассказ складывается преимущественно из фрагментов фёпоновского и рябининского текстов с включением иногда отдельных стихов или отрывков из других текстов. Картина, представившаяся Ильёе Муромцу, обозревавшему окрестности, взята из рябининского текста и дополнена уникальными стихами варианта Сорокина:

А й как силушки на чистом поле,
Что мелкого лесу да шумячего,
Не видно ни краю, ни берега!

А и как знамений на чистом поле,
Ай как будто сухого лесу жарового!

(ср. Гильфердинг, I, стр. 628)

Отказ богатыря Самсона ехать против татар, данный в основном в формулировке Т. Г. Рябинина («А не будем мы да и коней седлать» и далее — «У него есть много да князей, бояр» и т. д.), усилен вставкой из варианта безыменного каргопольского калики:

Не бывать бы мне во городе во Киеве,
Не глядеть бы мне на князя на Владимира
И на княгиню Апраксию не сматривать...

(Рыбников, II, стр. 673)

Из той же былины взяты и уговоры Ильей богатырей ехать на «помочь великую» ради матушки свято-Русь-земли», дополненные стихом:

«Да для ради вдов, сирот, людей бедных»

(Там же)

Захват татарами Ильи Муромца, предложение Калина перейти к нему на службу, гневный ответ русского богатыря, освобождение его от пут и вступление в битву Самсона с другими богатырями построены на основе главным образом феоновского и рябининского вариантов со включением отдельных стихов из текста с р. Онеги. Окончательный разгром врага и «закливание» татар и самого Калина-царя даны по Кирше Данилову и варианту каргопольского калики. Текст завершается картиной пира, заимствованной из заключительной части феоновского варианта.

Текст о Калине-царе — самый сложный из всех в книжке «Русские народные былины», но по такому же принципу построены и другие тексты. Так, например, текст «Илья Муромец под Черниговом и Соловей-разбойник» основан главным образом на трех былинах: варианте из с. Павлово б. Нижегородской губернии (Киреевский, I, стр. 34), тексте из сборника Кирши Данилова (№ 49) и записи от Трофима Рябинина (Рыбников, I, № 4). Кроме них, использованы отдельные стихи и некоторые особо выразительные отрывки из других вариантов: Дутикова, Сорокина, Романова (Рыбников, I, № 61; II, № 127 и 139).

Для построения сводного текста брались, таким образом, один, два или несколько лучших обработок данного сюжета, из которых выбирались самые яркие в идейно-художественном отношении места, ряд стихов привлекался и из других вариантов. Делалось это очень искусно, фрагменты и отдельные стихи объединены органично, причем тексты никогда не фальсифицируются, не искажаются. В этом отношении книжка, составленная В. и Л. Р — н, выгодно отличается от известной «Книги былины» В. П. Авенариуса, который не только производил искусственные контаминации, но допускал изменение народного текста соответственно своим личным вкусам и своему пониманию задач книги, предназначенной для юношества: устранял или смягчал «все слишком грубое», сглаживал, как он выражался, «шероховатости стихосложения, затруднявшие плавное течение стихов»⁵, и т. п. Кроме того, он связывал отдельные былины в «последовательную хронику», сочинял запевы и переходы от одной былины к другой.

Книжка «Русские народные былины» получила в народе распространение. Она не раз упоминается собирателями среди книг, виденных ими в районах бытования былин⁶. Некоторые части книжки издавались отдельными выпусками. Так, на протяжении многих лет издавались народные книжки: «Илья Муромец, крестьянский сын», «Святогор, Вольга и Микула», «Садко-купец, богатый гость», «Чурило Пленкович, Дюк Степанович и Соловей Будимирович», «О сильном и могучем богатыре Добрыне Никитиче»⁷. Все эти книжки, объемом от 36 до 71 страницы, имели и общее заглавие «Русские народные былины», а на титульном листе — указание на источники и на составителей. Особенностью последней из перечисленных книжек (о Добрыне) в издании 1894 г. явилось точное обозначение в сносках источников, откуда брались те или иные фрагменты. На обложках разных цветов обычно повторялась одна и та же картинка (сидящий на камне гусляр), лишь изредка заменяясь иной.

Другая народная книжка с текстами былин, получившая распространение в те же годы, что и сытинская, и тоже упоминаемая собирателями в числе книг, виденных ими у исполнителей⁸, — «Илья Муромец, набольший богатырь киевский во времена св. князя Владимира». Это — упомянутое выше издание Т. А. Губанова (105 стр.).

⁵ См. высказывания об этом самого автора: В. П. Авенариус, Книга былин, издание 8-е, М., 1913, стр. XVII.

⁶ См., например: Григорьев, I, стр. 139.

⁷ Такие книжки Григорьев тоже видел на Пинеге (см. там же, стр. 140).

⁸ Григорьев, II, стр. 25.

На титульном листе имеются имя составителя — Иван Ивин — и указание: «Составлено по лучшим русским былинам, собран. Сахаровым, Рыбинским и Киреевым». Обложка в красках, аляповатая, лубочного типа, изображающая на переднем плане прикованного к столбу цепями Соловья-разбойника и рядом Илью Муромца, который схватил Соловья за горло, пытаясь, видимо, заставить его замолчать. Несколько поодаль стоит князь Владимир и полулежит княгиня, далее — перед теремом князя — «мертвы лежат» люди, а на заднем плане скачут перепуганные свистом Соловья лошади. Грубо, безвкусно сделанная картинка, искажение фамилий на титульном листе заставляют предполагать и невысокое качество помещенных текстов. Но на самом деле это не так. Хотя книжка издана неопытно, со многими нелепыми опечатками («перья» вместо «пенья», «грустно» вместо «грузно», «кончика» вместо «конничка» и т. п.), но сводные тексты составлены так же умело и со знанием материала, как и в сытинском издании.

В отличие от последнего, представляющего антологию былин о разных богатырях, книжка, изданная Губановым, содержит только былины об Илье Муромце, включая следующие сюжеты⁹: «Илья Муромец и калики», «Святогор и Илья Муромец», «Илья и Соловей-разбойник», «Илья и застава богатырская», «Илья и Дюк Степанович», «Ссора Ильи с Владимиром», «Илья и Батыга», «Илья и Идолище», «Три поезда», «Смерть Ильи».

Таким образом, былины здесь расположены в предполагаемой хронологической последовательности, образуя биографическое повествование об Илье Муромце. В данной книжке есть сюжеты, отсутствующие в сытинской: былина о Дюке, основанная на тех олонечных вариантах, в которых некоторую роль играет Илья Муромец (Рыбников, II, № 130, 131 и др.) и былина о бунте Ильи против князя Владимира, рассказывающая, как Илья, оскорбленный тем, что его не позвали на пир, отстреливает маковки-золоченые с теремов и устраивает пир для голи кабацкой (использованы записи от Никифора Прохорова, Андрея Сорокина и Трофима Рябинина) (Рыбников, II, № 119, 127; Гильфердинг, I, № 47; II, № 76). В качестве отдельной былины помещен сюжет о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром из-за подаренной Илье татарской шубы (Киреевский, I, стр. 66), который в сытинской книжке включен как начальный эпизод в текст о Калине-царе.

Сводные тексты губановской книжки по композиции не совпадают с сытинскими, но созданы по тому же принципу. Использованы подлинные записи, в основном хорошие. Кроме сборников Киреевского и Рыбникова, привлечены записи Гильфердинга, есть заимствования и из сборника Кириши Данилова. Иногда текст основан на одном-двух ведущих вариантах с немногими добавлениями из других, имеются и более сложные композиции.

Таким образом, книжка «Илья Муромец, набольший богатырь киевский», как и сытинская, является вполне доброкачественной, если признать создание сводных текстов оправданным теми задачами, которые стояли перед народной книгой, посвященной былинам.

Но при внимательном рассмотрении губановская книжка оказалась не самостоятельным составленным сборником, а точным сколком изданного в 1887 г. С.-Петербургским Комитетом грамотности «Сказа об Илье Муромце» (85 стр., ц. 15 коп.). Не перенесены в нее только две былины — «Данило Денисьевич и Василиса Микулична» и «Вольга и Микула».

Качество текста объясняется происхождением книжки. «Сказ об Илье Муромце» составлен О. Е. Крестяновой, бывшей слушательницей Высших женских курсов в Петербурге, ученицей О. Ф. Миллера, и вышел под его редакцией. В предисловии редактора дается обоснование проведенной работы. «Былины в настоящее время, — пишет О. Ф. Миллер, — разрозненные звенья большой распавшейся цепи. Восстановить эту цепь можно было только при внимательном изучении всех существующих сборников и каждой из находящихся тут былин по различным ее пересказам. После такой работы стала возможной и другая, заключающаяся в таком своде главнейших былин, в котором они бы являлись в строгой последовательности, так, чтобы получилась в итоге целая жизнь богатырского набольшего Ильи Муромца. Попытку такого свода лучших былин и представляет настоящее издание... всему грамотному люду возвращается то, что составляло общее стародавнее добро его предков».

Высказанная здесь идея давно в науке опровергнута¹⁰. Но, не принимая данного обоснования сводных текстов, изложенного ученым редактором, мы должны признать, что работа его ученицы сделана весьма тщательно и вдумчиво.

Из некоторых особенностей книжки, отличающих ее от сытинской, следует отметить отдельные случаи сокращения заимствованных фрагментов, главным образом выключение некоторых буквальных повторений. В отдельных случаях лексика отдельных вариантов, необычная для большинства былин, заменяется более традиционной. Так, в тексте «Илья и Святогор», основа которого взята из записей Гильфердинга от

⁹ Заглавия даются по книжке.

¹⁰ В наше время эту идею неубедительно пытался возродить Н. В. Водовозов в своей книге «Русский народный эпос. Сводный текст», Гослитиздат, 1947 (см. мою рецензию в ж. «Сов. книга», 1947, № 11).

П. Л. Калинина и И. А. Гурьбина (т. I, № 1 и т. III, № 270), слова «плошаница» и «порный» заменены словами «домовище» и «сильный», а «пот» умирающего Святого — традиционной «пеной».

Получила ли распространение книжка Крестьяновой, мне неизвестно, но через губановское издание, как мы видим, «Сказ» проник в северные районы живой былинной традиции и мог оказать на нее известное влияние.

В самом начале 1890-х годов на средства Издательского общества при учрежденной министром народного просвещения Постоянной комиссии по устройству народных чтений была издана в Петербурге книжка «Сказки и песни об Илье Муромце, крестьянском сыне», с картинками в тексте (42 стр., цена 5 коп.). Книжка предназначалась для чтения в народных аудиториях Комиссии с сопровождением световых картин. В ней фрагменты из былин перемежаются с прозаическими пересказами, причем некоторые стихотворные отрывки являются не подлинными записями, а вольным стилизованным пересказом былин. Общая направленность книжки — дать образ могучего богатыря, смелого и бескорыстного защитника родины и народа. Социальные мотивы эпоса, однако, совершенно затухают, а выделены религиозно-моральные, особенно в заключительной части. В этом отношении «Сказ» и «Народные русские былины» выше данной книжки, так как они используют и социальные мотивы в той мере, в какой они имеются в записях былин XIX в.

В «Сказках и песнях об Илье Муромце» упоминаются и некоторые другие богатыри — Добрыня, Алеша Попович, Дюк, Чурила — и даны небольшие отрывки из соответствующих былин. В конце книжки дан список тех световых картин, которые следует показывать при чтении. Об этой книжке собиратели не упоминают. Видимо, судя по ее назначению, знакомство с ней народа ограничивалось городскими народными аудиториями.

Наконец, мне известна еще одна народная книжка, тоже с вольным пересказом былин, составленная известным и передовым для своего времени педагогом и методистом русской литературы В. П. Острогорским. Книжка называется «Илья Муромец, крестьянский сын», с указанием на титуле: «По народным былинам. Рассказано В. Острогорским» (СПб., 1869, 36 стр., цена 7 коп.). Из народных книжек с текстами былин — это одна из самых ранних, может быть и самая ранняя. Автор сумел, хотя и вольно, но в стиле и ритме народных былин пересказать ряд сюжетов, связанных с Ильей Муромцем. В ряде мест он вставляет подлинные былинные стихи и небольшие отрывки, которые входят в его текст органично. Например, в отрывке о прощании Ильи с родителями часть стихов — подлинные былинные стихи (Киреевский, I, стр. 34), часть — оттуда же, но перефразирована, а часть — сочинена самим автором. Книжку Острогорского портит некоторое сгущение религиозных мотивов. О распространении ее мне ничего не известно.

Кроме народных книжек, школьных хрестоматий по народной словесности, сборника Авенариуса, а также публикаций былин в местных периодических изданиях¹¹, в районы бытования былин проникли выпущенные в 1894—1895 гг. книгоиздателем А. Каспари (как бесплатная премия журнала «Родина») два выпуска книги «Русские былины и сказания». Их в разных местах на Пинеге тоже видел А. Д. Григорьев¹². Ввиду несомненного распространения этого издания в очагах бытования былин, оставшись на нем, хотя оно и не принадлежало собственно к народным книгам.

Сборники, изданные Каспари, имеют совсем иной характер, чем рассмотренные выше «Народные русские былины» и «Илья Муромец, набольший богатырь киевский». Оба выпуска — довольно большого альбомного формата, обильно иллюстрированы А. Скирчено, А. Крушинским, В. Поляковым и др. На обложке первого сборника наименование: «Русские былины. I. Киевский период. Ласковый князь Владимир стольно-киевский со княгиней и сильными богатырями». На титульном листе помещено, кроме того: «в новом общедоступном изложении». В сборник вошли следующие былины¹³: 1) «Святогор» (смерть в гробу), 2) «Рождение Вольги», 3) «Вольга и Микула», 4) «Встреча Ильи с каликами» (получение силы), 5) «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (отъезд из дому, освобождение Чернигова), 6) «Соловей-разбойник», 7) «Застава богатырская», 8) «Илья Муромец и нахвальщик», 9) «Чудо-Идолище», (само столкновение), 10) «Илья Муромец у князя Владимира» (ссора из-за шубы, подаренной князем Илье; Калин-царь; три поездки), 11) «Чурила Пленкович», 12) «Соловей Будимирович», 13) «Дюк Степанович», 14) «Добрыня Никитич» (даны все сюжеты, исключая сюжет «Добрыня и Маринка»).

Тексты в противоположность сборнику «Русские народные былины» литературно обработаны, переданы четырехстопным хореем (перемежающимся с пятистопным и шестистопным) с дактилическим окончанием, т. е. тем размером, который в XVIII и первой половине XIX в. применялся в эпических стилизациях («На взятие Бендер» Сумарокова, «Бова» Радищева, «Добрыня» Львова, «Бахарьяна» Хераскова, «Илья

¹¹ См. об этом: А. М. Астахова, Русский былинный эпос на Севере, стр. 283—284, 286.

¹² Григорьев, I, стр. 139—140.

¹³ Заглавия даются по сборнику; в скобках в некоторых случаях раскрывается содержание.

Муромец» Карамзина, «Бова» Пушкина). В большинстве случаев можно установить, какие именно варианты легли в основу публикуемых текстов. Так, в основе 2-й былины ясен вариант Кириши Данилова, в основе 3-й — текст Касьянова из сборника Гильфердинга, в основе 4-й — запись Рыбникова от Леонтия Богданова, в основе 5-й — текст сборника Киреевского из с. Павлово (запись Фаворского), былина 8-я вся построена на уже упоминавшемся шенкурском варианте из сборника Киреевского и т. д. Есть однако случаи, когда основа не вполне ясна и когда публикуемая былина базируется на нескольких текстах.

Материал второго выпуска по своему составу менее целостен. Сперва помещены новгородские былины: 1) «Садко-гусли на берегу Ильменя», 2) «Спор Садко с Новгородом», 3) «Садко у подводного царя», 4) «Молодость Василия Буслаева», 5) «Смерть Василия Буслаева». Далее помещены фрагменты из «Слова о полку Игореве»: «Поход», «Плач Ярославны», «Возвращение князя Игоря». За «Словом» идут «Былины московские» — в этот раздел отнесены исторические песни и баллады и даже духовный стих. Вот оглавление этого раздела: 1) «Оговор царевича», 2) «Ермак Тимофеевич», 3) «Взятие Казани Иоанном», 4) «О добром молодце и речке Смородинке», 5) «О добром молодце и жене неудачливой», 6) «Оника-воин», 7) «Князь Михайло», 8) «Отрепьев и Маришка», 9) «Кастрюк», 10) «Думушка царская» (о Смоленске), 11) «О добром молодце и казне сорок тысячей». Как заключающая оба сборника, в конце помещена былина «Отчего перевелись богатыри на святой Руси» (по тексту Мея). Часть текстов былин (3-я былина, вторая часть 4-й) пересказана, как и в первом выпуске, четырехстопным хореем с дактилическим окончанием. 1-я же, 2-я и первые 24 стиха 4-й былины переложены другим размером — четырехстопным хореем с женскими и мужскими рифмованными окончаниями. Приведу как пример такой обработки былин начало текста о Василии Буслаеве:

Как во славном Нове-граде,
В той же каменной оgrade,

Жил Буслай, старинный дед,
Девяносто слишком лет...

В том же ритме, между прочим, переложены и плач Ярославны.

В обоих альбомах Каспари находим короткие, порой наивные по содержанию предисловия от издателя. Предисловие ко второму выпуску заканчивается так: «Наш труд окончен. Как бы он ни был слаб, но мы утешаем себя той мыслью, что все-таки это была первая попытка к распространению между читающей публикой в общедоступном, легком для чтения изложении забытых и заброшенных почему-то перлов народной фантазии, в которых ярко обозначалась бытовая сторона жизни великого русского народа, со всеми ее добродетелями, слабостями и заблуждениями. Былина есть все-таки более или менее правильное историческое отражение той или иной эпохи, а потому извлечение ее из архивной пыли должно составить немаловажную заслугу, оценить которую предлагаем нашим читателям». К сожалению, это «извлечение былин из архивной пыли» сочеталось в сборниках Каспари с искажением их подлинной художественной природы.

Из хрестоматий по народной словесности наиболее широкое распространение через приходские начальные училища и библиотеки как раз в районах бытования былин на Севере получила книга А. В. Оксенова «Народная поэзия», выдержавшая в 1890-е и 1900-е годы ряд изданий¹⁴.

«Народная поэзия» содержит довольно богатый по своему составу раздел былин. Тексты взяты из сборников Кириши Данилова, Киреевского и Рыбникова. Даются они или полностью точно, или с некоторыми купюрами и добавлениями из других вариантов на тот же сюжет. В общем это тот же по существу метод публикации, что и в книжке В. и Л. Р — н. И здесь текстов, которые искажали бы содержание, идейную направленность, образы былинного эпоса, нет. Таким образом, хрестоматия «Народная поэзия» сыграла, подобно рассмотренным выше народным книжкам, изданным Сытиным и Губановым, а также таким общедоступным изданиям былин, как сборник Кириши Данилова в «Дешевой библиотеке» Суворина (СПб., 1893), как публикации записей былин П. Н. Рыбникова, а впоследствии Н. Шайжина в «Олонецких губернских ведомостях», существенную роль, распространяя местные былинные традиции далеко за пределами районов их образования. Так, Онежские былины усваивались посредством книги на Зимнем берегу, на Печоре и в других северо-восточных очагах распространения былин, в Сибири, а сибирские обработки сборника Кириши Данилова становились известными в европейской части Севера. Некоторые наблюдения в этой области были приведены автором данной статьи в более ранней работе¹⁵. Новые записи былин в Беломорье и на Печоре (1940-е—1950-е годы) дают еще ряд примеров воздействия уже опубликованных в разных сборниках былин, и именно тех, которые входили в общедоступные публикации.

¹⁴ Широкое распространение хрестоматии «Народная поэзия» было обусловлено специальным указанием на титульном листе о допущении книги Ученым комитетом Министерства народного просвещения в учительские библиотеки начальных училищ и Училищным советом Синода — в школьные и народные библиотеки.

¹⁵ А. М. Астахова, Русский былинный эпос на Севере, стр. 297—298 и 314—332.

Так, в тексте «Младой Подсокольничек»¹⁶ Павлы Семеновны Пахоловой (родная сестра Марфы Крюковой), в целом восходящем к варианту матери, Аграфены Матвеевны Крюковой (Марков, № 4), последовательные обращения Добрыни, Алеши Поповича и Ильи Муромца к богатырю-нахвальщику даны в иной форме и напоминают соответствующие обращения Добрыни и Ильи в шенкурском варианте о заставе из сборника Киреевского.

Киреевский, I, стр. 50

«Зачем нашу заставу
проезжаешь —
Мне, атаману Илье Муромцу,
челом не бьешь?
Податаманью Добрыне Никитичу?
Есаулу Алеше в казну не
кладешь
На всю нашу братию наборную?»

П. С. Пахолова (запись Э. Г. Бородиной-Морозовой в 1939 г.)

«Ты зачем заехал к нам в
заставу богатырьскую,
И ты без моего-то всё ты без
приказанья¹⁷,
А податаманья-то Добрынюшки
Никитича?
Асаулу-то Алешеньки Поповичу,
И не кладешь ты ему много
сметенной золотой казны».

Шенкурский вариант мог быть известен П. С. Пахоловой по хрестоматии А. В. Оксенова, которая имела в доме Крюковых, и это выразительное обращение, дважды в варианте повторенное, естественно, могло запомниться Пахоловой.

В былине о Дюке Степановиче, записанной Э. Г. Бородиной-Морозовой в 1938 г. от той же П. С. Пахоловой¹⁸, имеются эпизоды, чуждые золотицкой традиции и характерные для прионежской: эпизод преодоления Дюком на пути в Киев трех застав; отвод, который Дюк дает Алеше Поповичу как «общенщику» на том основании, что он роду поповского «всё завидного». Эпизоды эти тоже имеются в тексте, помещенном в хрестоматию Оксенова.

Обращение исполнителей былин к книжным публикациям можно отметить по материалам последних экспедиций и на Печоре. Мною уже указывались случаи исполнения былин в Усть-Цилемском районе по сборнику Н. Е. Ончукова «Печорские былины», что, несомненно, укрепляло в среде исполнителей местные традиции¹⁹. Аналогичный случай наблюдали участники экспедиции 1956 г. в селе Лабожском Нарьян-Марского района. Когда записывали от Н. И. Суслова на магнитофон балладу «Молодец и горе», он, «чтобы не соврать», держал перед собой книгу Ончукова, раскрытую на тексте этой баллады (№ 82), хотя перед тем спел ее совершенно свободно. Видимо, к сборнику Ончукова Н. И. Суслов обращался не раз и если даже не усвоил балладу только из книги, то во всяком случае она оказала определенное влияние на его текст. Здесь имеется не только совпадение общего содержания и композиции (объединение с балладой о Горе сюжета о превращении свекровью снохи в дерево — березку или рябинку), но и близость в образах; многие стихи совпадают почти буквально. Вместе с тем Суслов сделал объединение двух балладных сюжетов более органичным, превратив сюжет о лихой свекрови лишь в художественную интродукцию к основному сюжету, как один из примеров невозможности для молодца «горя избегнуть»²⁰.

И другая былина Суслова — «Женитьба Алеши Поповича на Добрыниной жене»²¹, — записанная в 1956 г., восходит к записи Ончукова (№ 95), включающей точно такое же построение основных эпизодов сюжета. По словам исполнителя, он слышал данную былинку и в живом устном исполнении. Мы, действительно, видим в его тексте своеобразные отклонения от варианта Ончукова в передаче некоторых мест былин; буквального совпадения стихов почти не наблюдается. Однако влияние текста Ончукова несомненно. Здесь произошло характерное скрещение устной традиции и книжной публикации.

О случаях влияния былин в литературной обработке на позднее былинное сказительство, в частности о воздействии известного свода былин В. П. Авенариуса, мне

¹⁶ Сборник «Былины Печоры и Зимнего берега (новые записи)», № 93. Институт русской литературы АН СССР (рукопись).

¹⁷ Вариант этого стиха в обращениях Добрыни и Алеши:

Без позволения да атамана-то,
Атамана-то да Ильи Муромца?

¹⁸ Там же, № 105.

¹⁹ См.: А. М. Астахова, Былины Севера, I, М.—Л., 1938, стр. 47, 439; е е же, Русский былинный эпос на Севере, стр. 298.

²⁰ «Былины Печоры и Зимнего берега», № 64.

²¹ Там же, № 62.

тоже приходилось говорить²². Отражения в записанных текстах своеобразных обработок Каспари до последних пор наблюдать не приходилось. Но в собранных в 1956 г. в низовьях Печоры материалах встретился любопытный случай передачи сказителем Т. С. Кузьминым, 68 лет, из д. Тельвиски Нарьян-Марского района былины в том же ритме, в каком излагаются былины в издании Каспари. Это прежде всего былина, озаглавленная Кузьминым «Илья Муромец и нахвальщик»²³. Никаких сведений о том, было ли это издание Каспари известно сказителю, хорошо грамотному и любителю чтения, не имеется, однако самый факт наличия в его репертуаре былины в таком необычном для народного сказительства ритмическом строе, к тому же былины, не принадлежащей печорской традиции, уже делало очевидным восхождение этого варианта в репертуаре печорского сказителя к «Русским былинам и сказаниям» А. Каспари, где эта былина имеется, и под тем же названием. Мною проведено детальное сопоставление обоих текстов: более половины стихов печорского текста 1956 г. повторяют в точности или с незначительными изменениями текст альбома Каспари. Приведу фрагменты из обоих текстов в их сопоставлении.

К а с п а р и

...Крикнул тут ему Добрынюшка,
Крикнул зычным, звонким
голосом:
«Вор, собака, самохвальщина!

А зачем ты к нам заезживал
Через русскую заставушку,
Илье Муромцу не бил челом,
И не бил челом Добрынюшке,
И не клал казны Поповичу
На всю братию наборную!»
Услыхал его нахвальщина,
Повернул коня к Никитичу.
Всколебалась мать-сыра-земля,
Из озер вода повыбилась.

А и тут он приговаривал:
«Не тебе бы, старцу старому,
В поле чистое выезживать —
Или некем заместиться?
Ты б себе келейку выстроил
При пути ли, при дороженьке,
Собирал бы божьи милости,
Был бы сыт ты в ней, старинушка!»
У Ильи тут силы, лёжучи,
Вдвое, вчетверо прибавилось,
Как махнет врага он в белу грудь,

Вышибал его он рученькой
Выше дерева стоячего.

Т. С. К у з ь м и н

...Закричал Илья Иванович:

«Эй, ты, вор, собака, само-
хвальщина!
Ты зачем в чисто поле заезживал
Через русскую заставушку,
Илье Муромцу не бил челом,
И не бил челом Добрынюшке

И всей братье богатырской?»
Услыхал его нахвальщикек,
На Илью коня сворачивал.
Сколебалась мать-сыра-земля,
Из озер вода повыбилась.

Говорит ему нахвальщик же:
«Не тебе бы, старцу старому,
В поле чистое выезживать,
Или некем заместиться тебе?
Ты бы келейку себе повыстроил
При пути да при дороженьке,
Собирал бы божьи милости,
...Был бы сыт ты мне, старинушка!»
У Ильи тут силы, лежучи,
Вдвое, вчетверо прибавилось.
Как махнул Илья свет Муромец
ручкой правую
Прямо в грудь ему, нахвальщику,
Вышибал он тут нахвальщика
Выше дерева стоячего.

Интересно в данном случае то, что текст, явно усвоенный из книги и к тому же имеющий особый, необычный для местной традиции ритмический строй, исполнитель пел на характерный былинный напев. Это приводило иногда к некоторой перебивке в ритме стиха.

Явную генетическую зависимость от соответствующего текста Каспари обнаруживает и другой вариант Кузьмина — «Илья Муромец и Соловей-разбойник»²⁴. Хотя вся первая часть былины — исцеление Ильи-сидня и отъезд Ильи из дому — ритмически далека от текста Каспари и в целом словесное оформление иное, но совпадения отдельных стихов уже наводят на мысль о том, что и здесь — отдаленные припоминания текста Каспари.

²² См.: А. М. Астахова, Русский былинный эпос на Севере, стр. 299—314.

²³ «Былины Печоры и Зимнего берега», № 78.

²⁴ Там же, № 77.

С рассказа же черниговцев о прямоезжей дороге исполнитель перешел на другой ритм — текста Каспари, при почти полном тождестве обоих текстов. Зависимость варианта Кузьмина от текста Каспари особенно выдают совпадения необычных для былин образов и лексики: уменьшительная форма эпитета Соловья — «злодеюшко» («Одихмантьев сын, злодеюшка»), картина сползающих с гор песков:

К а с п а р и

Т. С. Кузьмин

С гор сползут пески сыпучие,
Темный лес к земле наклонится,

С гор сползут пески сыпучие,
Лесы, рощи к земле склоняются.

Таково же и обращение Ильи Муромца к споткнувшемуся коню:

К а с п а р и

Т. С. Кузьмин

«Ах ты, волчья сыть не сытая,
Травяной мешок не складенный».

«Ах ты, волчья сыть недосытна,
Травяной мешок не складенный».

Вместе с тем имеются у Кузьмина и некоторые отклонения от источника. В особенности заслуживает внимания пропуск всех эпизодов, включающих религиозные мотивы. Так, у Каспари Илья Муромец перед выездом из дому идет в церковь, у Кузьмина этого эпизода нет, как и изображения молящихся в церкви черниговцев.

Отдельные припоминания из соответствующего текста Каспари встречаются и в былине Кузьмина о неудачной женитьбе Алеши Поповича²⁵. В то же время эта былина заставляет предполагать знакомство Т. С. Кузьмина и с вариантом данного сюжета из сборника Кириши Данилова (№ 21). Не только содержание, но и само заглавие, данное исполнителем («Добрыня на чудь поехал»), восходит, несомненно, к варианту Кириши («Добрыня чудь покорил»).

Итак, из книжных источников переходили в устное бытование тексты былин различного характера и качества. А. Д. Григорьев, отметивший ряд фактов распространения в районах бытования эпоса печатных сборников былин, не допускал возможности значительного воздействия их на устную традицию. «Я не думаю,— писал он,— чтобы эти сборники с подправленным языком и неудачным складом могли настолько повлиять на простой народ, чтобы их былины заучивались наизусть и могли особенно грозить попасть опять собирателю под руки; они только знакомят народ с литературным названием старины и поверхностно удовлетворяют его литературному любопытству»²⁶. Это суждение основано на недифференцированном подходе ко всем распространявшимся в народе сборникам былин, с которыми Григорьев основательно не был знаком. Мы же видели, что книга зачастую возвращала народу его исконное художественное достояние или в подлинных изустных записях, или в сводных текстах, основанных на лучших народных обработках определенных сюжетов. А priori можно было предполагать, что при громадном уважении и живом интересе к богатырскому эпосу, какие наблюдались в местах его распространения в конце XIX — начале XX вв., знакомство сказителей с былинными текстами в книге не могло пройти бесследно для самой устной традиции. Это и подтвердилось уже некоторыми наблюдениями, и, несомненно, что дальнейшее изучение в этом направлении позднейших изустных записей обнаружит еще ряд конкретных случаев воздействия книги на устную традицию.

Другое дело — влияние на устную эпическую традицию литературно-обработанных и искаженных текстов: складываясь в течение многих веков, она действительно получила очень большую устойчивость, что и определило сопротивление чужеродным ей элементам. Но возможность и такого влияния совершенно отрицать нельзя.

Во всяком случае, изучая состояние нашего богатырского эпоса на позднейшей стадии его бытования, необходимо учитывать возможные влияния книги и стремиться раскрывать конкретные случаи таких влияний, что поможет отделить древнее и традиционное от позднейших наслоений, а среди последних — индивидуальные привнесения от книжных заимствований.

Принятые в статье сокращения

Гильфердинг — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. тт. I—III, изд. 4-е, М.—Л., 1949—1951.

Григорьев — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг., т. I, М., 1904; т. II, Прага, 1939; т. III, М., 1910.

Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. I—X, М., 1860—1874.

Кириша Данилов — Древние российские стихотворения, собранные Киришей Даниловым. Издание подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов, Серия «Литературные памятники», изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1958.

Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2-е, под ред. А. Е. Грузинского, тт. I—III, М., 1909—1910.

²⁵ «Былины Печоры и Зимнего берега».

²⁶ Григорьев, I, стр. 141.